

Р. Г. ПАШКО

**НАСЛЕДИЕ СЕРГЕЯ СЕРГЕЕВИЧА АВЕРИНЦЕВА (1937-2004)
ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ**

Творческий подвиг С. С. Аверинцева не укладывается в рамки одного научного направления. Широко известны его труды по медиевистике, средневековой философии, поэтике ранневизантийской литературы, ближневосточной, сирийской и русской культуре и истории, которые стали подлинным событием, а иногда и настоящим откровением для мирового научного сообщества последней трети XX - начала XXI в.

С. С. Аверинцев призывал осторожно обращаться со смыслами и простыми понятиями эпох, чтобы не случилась невольная подмена смысла. Он предупреждал: «Как раз тогда, когда наши далекие предки вдруг покажутся нам совсем близкими, нужно остерегаться обмана зрения. Как раз тогда, когда цитата многовековой давности чересчур хорошо укладывается в наши исторические рассуждения, благоразумно переспросить себя: а что если мы незаметно для себя подменили ее смысл?».

С. С. Аверинцев актуализировал и заново осмыслил идею «византизма» в современной науке и культуре. Сергей Сергеевич привнес вселенский масштаб в содержание этой идеи, соединил византизм с европейской идентичностью, показав зыбкую границу различий Востока и Запада.

С другой стороны, С. С. Аверинцев не упрощал картину исторических взаимовлияний, диалога культур в рамках т. н. «содружества византийских наций», высказываясь иногда в разрез существующей традиции, определяя, например, Византию и Русь как два типа духовности. Органическая связь с идеалами и нормами средиземноморской цивилизации - колыбели европейской и человеческой цивилизации - проявляется во всем творчестве С. С. Аверинцева.

Но главное, на наш взгляд, заключается в том, что С. С. Аверинцев соотнес глобализационное сознание с человеческим измерением в понимании значе-

ния средиземноморской цивилизации, благодаря чему Средиземное море остается, как и в древности, «нашим» морем.

Сергей Сергеевич Аверинцев открыл не только значение того культурного мира, который сложился на берегах Босфора, но и мира многочисленных культур христианского Востока, тем самым убедительно включив Восток в христианскую европейскую культуру и цивилизацию (и идею Европы). Сергей Сергеевич показал, что эллинизм и Восток — не механические рычаги. Подлинная Византия была едина, органична и постепенно выработала собственный стиль, в одинаковой степени освоив античный сенсуализм, ближневосточный традиции, народные экспрессионистические тенденции Востока.

С. С. Аверинцеву не был свойственен взгляд на культурное и духовное развитие, восхождение человеческой духовности как на однолинейный прогресс. Ему присущ аристократизм духа. Ранневизантийская культура, как многие другие культурные явления, представлялась им как сложное подвижное противоречивое единство, новая система равновесий. «Всякая культура живет сбалансированным противоборством противоположностей», — отмечал Сергей Сергеевич в «Поэтике ранневизантийской литературы»¹.

С. С. Аверинцев, исходя из духовного мира византийского народа, а не культурной надстройки или практических познаний и ценностей, подчеркивал труднообъяснимые (из глубины нашего времени) особенности ранневизантийского синкретизма, когда в повседневности исторического и культурного процесса христианство и язычество не противостояли друг другу и возникало невольное сотрудничество христиан и язычников. Сергей Сергеевич указывал на то, что формы культуры имеют независимую от мировоззрения логику. Византия, считал он, — это пограничное явление, взаимопереход Греции и Азии, а ранневизантийская литература — это западно-восточная литература.

С. С. Аверинцев прояснил значение взаимосвязи эстетических и этических начал в византийской культуре, в которой эстетика красоты соотносима с этикой добра. Сергей Сергеевич подчеркивал, что «пока эстетики как таковой нет, нет и того, что не было бы эстетикой», и, таким образом, все есть эстетика. Византийская эстетика включает в себя онтологию, космологию, этику. Тем самым найдено основание для разрешения радикальных сомнений В. Соловьева относительно наличия этических начал в византийском обществе, культуре, истории.

С. С. Аверинцев воссоздал сложную и насыщенную картину европейского культурного мира, использовал новаторские методологические приемы, которые позволили ему убедительно раскрыть неизвестные грани эстетики и культуры.

С. С. Аверинцев внес свой вклад в разрешение кризиса духовности европейского человечества, в восстановление доверия к абсолютным нормам,

ценности и закономерности собственного бытия человека. В своем творчестве он не позволяет вытеснить духовное, человеческое, субъективное из сферы науки. Поэтому к произведениям С. С. Аверинцева, его мыслям и идеям мы проникнуты особым доверием, в нашем сознании идеи, знания накапливаются и развиваются, а не опровергаются в жесткой критике с позиций новых культурных ценностей. Есть особое притяжение аверинцевской духовности, которой подвластны цель и смысл человеческого существования, присутствует дух, сталкиваясь с которым сознание не видит себя обманутым.

Духовное наследие Византии рассматривается С. С. Аверинцевым, исходя не из принципа комплиментарности, как принято во многих византологических работах, а во всецелостности духовного опыта. Обновляя идеалы классического образования, античного и средневекового греческого наследия, С. С. Аверинцев *раскрыл горизонты для духовного возрождения Европы* и для осуществления идеи так называемого «третьего возрождения» (идеи Вячеслава Иванова, Фаддея Зелинского) или «третьей гуманизации» (концепция Вернера Йегера). Возрождение в области образования связано с обращением к гуманизму как пайдеей, к воспитанию через классические образцы культуры. Присутствие тайны - тайны исторического, культуры, человека - необходимое начало творчества С. С. Аверинцева. Тайна влечет и притягивает, как и «ничто», о чем писала русская поэтесса Ольга Седакова, верная ученица С. С. Аверинцева¹.

Сергей Сергеевич не только тактично подводит к тайне и указывает на нее. Мастер постепенно, по мере сил, раскрывает сокрытое, приготавливая нас к тому, чтобы научиться терпеливо ожидать неожиданное. И тайна при этом может стать великой Тайной, которая, как писал С. С. Аверинцев, для мысли невестима:

Примите великую тайну:
на немощи, не на силе,
не на бесчувственном - на муке,
не на жестком - на язвимом
строит Моя Премудрость;
да молчит всяка плоть человека,
ничто же земное да мыслит:
тайна для мысли невестима².

С. 210.

¹ Наше положение: Образ настоящего. М., 2000. С. 80.

² Аверинцев С. Стихи духовные. С. 97-98.